

Аор-гинеколог

Дело происходило в Мексике, где мы с мужем находились в длительной командировке. Время действия — конец восьмидесятых, мне было тридцать три года.

Гуляю в парке с двумя мексиканскими подругами. Лаура как бы между прочим общается:

— Сдала анализ Папа-николау, все в порядке, отрицательный.

— Какому папе ты сдаешь анализы? — удивилась я и подумала, что плохо знаю испанский сленг.

Лаура и вторая подруга, Анна-Мария, переглянулись, а потом уставились на меня.

— Наталья, ты хочешь сказать, что никогда не делала Папа-николау?

— Делала? — переспросила я. — Николау? Это Дед Мороз, что ли? Девочки, на дворе июнь месяц. Кстати, в нашем фольклоре Деда Мороза сопровождает внучка, симпатичная девушка в красивом костюме...

Я рассказывала про Снегурочку, но лица моих подруг становились все более хмурыми и тревожными.

— Наталья! — строго сказала Анна-Мария. — Папа-николау — это анализ на рак.

— Может, — с надеждой спросила Лаура, — у ваших гинекологов он по-другому называется?

Родив двоих детей, отечественных гинекологов я, естественно, стороной обойти не могла. И о подобных анализах от них не слышала. Отрицательно помотала головой и робко спросила:

— Рак чего вы имеете в виду?

— Женский! — последовал обобщающий ответ.

Далее мне поведали про двоюродную сестру Лауры, тетущку со стороны первого

мужа Анны-Марии, а также еще о десятке женщин, которые благодаря Папа-николау были прооперированы на начальном этапе, остались живы и теперь процветают.

— Все женщины сдают этот анализ! — утверждала Лаура.

— До тридцати лет раз в год, после сорока два раза в год, — уточнила Анна-Мария. — Пожилым после пятидесяти рекомендуют даже чаще.

— Это больно? — пробормотала я.

— Обычный мазок, — успокоили меня подруги.

Благодушное настроение напрочь пропало. Я чувствовала внутри живота противное покалывание, почёсывание — словом, подозрительные симптомы.

— Мы тебя запишем к доктору Пересу, — постановила Лаура. — Это очень-очень внимательный врач.

На «очень-очень внимательный» я тогда не обратила внимания. Решила, что это высокая характеристика профессионализма. Мне хотелось побыстрее сдать судьбонос-

ный анализ-мазок со смешным новогодним названием, удостовериться в отсутствии страшного диагноза и жить как прежде.

В назначенный день я приехала в клинику. Сестричка провела меня в маленькую комнатку, велела полностью раздеться и выдала одноразовый бумажный халатик. В туфлях на каблуках и в этом халатике я вошла в кабинет доктора Переса. И замерла на пороге.

Это был кабинет! Не медицинский, а натуральный! С плюшевыми диванами и креслами, с книжными стеллажами, картинами на стенах, торшерами в виде статуй и деревцами в кадках. В одном углу, правда, покоилось гинекологическое кресло, кокетливо прикрытое японской ширмой.

Первой моей мыслью было — каково здесь пыль убирать! Я привыкла к ответственному, пусть убогим, но поддающимся стерильной обработке медицинским помещениям, а тут попала в любовно обставленное гнездышко кабинетного ученого.

Доктор Перес поднялся из-за стола, шагнул мне навстречу. О его внешности, возрасте и особых приметах я ничего сказать не могу. Не потому, что это было давно или я страдаю плохим зрением. Как и большинство женщин, врачу-мужчине я отказываю в половых признаках. Он врач, и точка. Специалист пола не имеет, только профессиональные знания. Ведь если посмотреть на общение пациентки-женщины с врачом-мужчиной с точки зрения обычных межличностных отношений, то получится форменный кошмар. Она приходит и быстренько раздевается, он остается одетым. Она покорно терпит, когда он шарит по ее телу, прощупывает и простукивает. Потом она одевается и уходит до следующего визита. Какая женщина позволит так с собой обращаться? Это даже не дискриминация и не извращение! Это видение из ночного кошмара!

Итак, из внешности доктора Переса я помню только то, что, когда он тряс мою руку, здороваясь, его макушка приходилась на уровне моего носа.

— Прошу! — указал доктор на кресло. — Присаживайтесь, сеньора Наталья.

Он вернулся за свой громадный стол, приобретенный не иначе как на распродаже имущества какого-нибудь старинного замка. А я замешкалась перед креслом.

Мексиканки в большинстве невысокого роста, и выдаваемые халатики придутся им аккурат до колена. Но на мне халатик был не длиннее мини-юбки. Иначе говоря, приземлиться на бархатную поверхность кресла я могла исключительно голый попой. Что мне не нравилось.

— С вашего позволения! — сказала я привычную фразу.

Вежливые мексиканцы «с вашего позволения» говорят триста двадцать пять раз на день. Когда выходят из лифта раньше других (незнакомых!) пассажиров, когда протискиваются в толпе, когда отвечают при тебе на телефонный звонок, когда достают носовой платок, когда снимают прилепившуюся на твое плечо ниточку и так далее до бесконечности.

— С вашего позволения! — сказала я, сняла халатик, постелила его на кресло и уселась.

Так мы и беседовали: я голая, но в туфлях, доктор за своим викторианским столом. Он задавал вопросы, я отвечала. Вопросы было не десятки, сотни! Сначала мы прошлись по моей женской физиологической судьбе, потом по заболеваниям моей мамы, когда дошли до половой жизни моей бабушки, я сказала:

— Доктор! Бабушка умерла до моего рождения, ее половая жизнь была крайне нерегулярной.

— Вы знаете это из семейных преданий?

— Из учебника истории. С начала века в России сплошь войны, революции, репрессии, какая уж тут регулярность, когда мужики то на фронте, то в тюрьме.

— Очень интересное наблюдение! — похвалил доктор. — А вы знаете, что в Мексике революция началась в тысяча девятьсот десятом, а закончилась в семнадцатом?

— Знаю. У нас в семнадцатом только закрутилось по-настоящему. Доктор, я начинаю мёрзнуть!

— Ох, простите, сеньора! — подхватился он. Выбежал из кабинета, принес новый халатик, который я накинула.

Вопросы не закончились, но куда клонит доктор, поначалу я не поняла. Он пространно говорил о каких-то современных теориях происхождения женских заболеваний и путях распространения. Наконец до меня стало доходить, и я уточнила:

— Вы имеете в виду мужчин? Они... как бы это деликатнее выразиться... погружаясь в... в...

— В вагины разных женщин, — пришел на помощь доктор.

— Тем самым переносят микроскопическую инфекцию?

— Совершенно верно! Наталья! Вы очень умная женщина! Поговорим о вашем муже.

— Не поговорим! Единственное, что я могу вам сообщить, — это то, что я у него жена от первого брака. Доктор! Если мы

с вами поставим моего мужа к стенке и наведем на него пистолет, он всё равно ни в чем не признается. Мы можем отстреливать у него по очереди руки и ноги, он будет молчать как партизан. Контрольный выстрел в голову тоже ничего не даст, он унесет тайну в могилу. Доктор, зачем мне убивать или калечить мужа, которого я люблю?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся врач. — Все русские женщины такие остроумные?

— Все, — кивнула я. — У нас такая жизнь, что обхохочешься.

— Ну, приступим к обследованию! — поднялся врач.

«Наконец-то», — подумала я и незаметно посмотрела на часы. Тридцать минут! Мы полчаса ерундой занимались!

Расслабилась я рано. Доктор подошел ко мне с маленьким металлическим подноси-ком, увидев содержимое которого я обомлела. На подносике лежали инструменты лор-врача: лопаточка, чтобы в рот заглядывать, и похожие на ножницы щипчики с цилиндриками на концах — их в нос